

Виктор Петренко, Анатолий Супрун

АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ ЕДИНОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Аннотация. Обсуждаются проблемное поле смысла человеческой жизни и архетипические образы единого человечества. Эта сущностно значимая идея центрирована на притче Н.В. Гоголя «Шинель», имеющей множество сущностных смыслов. Подтверждается идея о том, что даже самый «последний» человек создан Богом; во многих потребностях лежат искушения – даже помыслы о предмете потребности могут изменять сущность человеческой личности. Авторы находят сущностную близость гоголевской притчи к буддистскому коану.

Ключевые слова: архетипические образы; единое человечество; притча; сущностные смыслы; юродивые и блаженные; эго; искушение; потребности; идеал настоящего человека; сострадание.

Abstract. Problem domain of man's life meaning and archetypical images of one single mankind is discussed. This essentially significant idea is centered on N.V. Gogol's parable "Shinel" ("The Overcoat") which has a great number of essential meanings. The idea that even "the worst" man is created by God is confirmed; temptation is the basis of a number of needs – even thought about an object of a need can change the essence on man's personality. The authors find essential likeness between Gogol's parable and Buddhist koan.

Keywords: archetypical images; one single mankind; parable; essential meanings; holy fool and the blessed one; ego; temptation; needs; ideal of a real man; compassion.

Дав неожиданное название нашей статье, мы спешим объяснить читателю мотив такого решения. Итак, причем тут архетипические образы в разговоре о православном Н.В. Гоголе и буддизм, а также жанр притчи в социальном рассказе?

Проблемное поле
смысла человеческой
жизни и бытия

На наш взгляд, творчество Н.В. Гоголя можно рассматривать в ряду таких великих писателей-романтиков, сказочников и мистиков, как Э. Гофман, М. Сервантес, Л. Кэрролл, О. Хаксли, Г. Гессе, Р. Бах, М. Булгаков, Е. Шварц, Дж. Оруэлл, А. и Б. Стругацкие. Их творчество по сути своей двухслойно, то есть за поверхностью сюжетной линии рассказа, повествовательного нарратива лежит проблемное поле смысла человеческой жизни и смысла самого бытия. Рисуя конкретные, присущие определенной культурно-исторической эпохе образы персонажей, эти писатели-визионеры, благодаря мистической интуиции, видят

смысл той или иной фигуры не только и не столько в плоскости социальной жизни, сколько в мистерии Духа или, как выразился Н. Гумилев, «в театре Бога». Мистик прорывается через тяготение земных оков в космос трансцендентального и на языке притчи (смысл которой не всегда понятен и ему самому) пытается определить место человечества в творческой эволюции Духа.

Архетипические образы единого человечества в свете разных культур и религий

Трактовка вечных проблем и архетипических образов единого человечества возможна с позиций разных национальных культур и разных религий. Более того, как алмаз играет разными гранями в зависимости от угла падения на него света, так и Вечный текст с архетипическими образами обнаруживает новые смысловые грани в свете иной культуры. Что же открывается в творчестве Гоголя при взгляде на него с позиции буддийской ментальности?

«Все мы вышли из «Шинели» Гоголя»

«Шинель», несомненно, – одно из наиболее цитируемых произведений великого писателя. Очень короткое, оно как магнит притягивает к себе внимание исследователей снова и снова. Однако хрестоматийное рассуждение о том, что в основе его замысла лежит конфликт между «маленьким человеком» и обществом, конфликт, якобы чреватый бунтом, восстанием, как-то плохо согласуется с намеренно-насмешливым, ироническим отношением автора и к «бунтовщику», и к «власть имущим». Фраза из школьного сочинения: «Срывая шинель с сановного лица, Башмачкин становится в своих глазах и в глазах миллионов таких же, как он, униженных и оскорбленных людей, героем, способным постоять за себя и ответить на бесчеловечность и несправедливость окружающего мира» по уровню гротеска едва ли превосходит язык самого Н.В. Гоголя*. Недотягивает *это* до того уровня литературы, который подразумевает знаменитое высказывание русского писателя: «Все мы вышли из «Шинели» Гоголя»**.

Притча со многими сущностными смыслами

Безусловно, «Шинель» – притча, имеющая более глубокий смысл, нежели тот, что лежит на поверхности. Иронический подтекст совсем не маскирует здесь «соци-

* Текст, из которого взята эта фраза, содержится сразу в нескольких базах школьных сочинений, предлагаемых в Интернете для желающих без труда продемонстрировать свои знакомства с программой по литературе.

** Чаще всего это высказывание приписывают Ф. Достоевскому, хотя ни в одном собрании сочинений писателя оно не присутствует. В нашем случае важно то, что смысл этой фразы никогда и никем не оспаривался.

альный протест», а прямо указывает на неадекватность такой интерпретации. Это притча из разряда библейских и корреспондирует к Евангелию, а не к социальным идеалам «неистового Виссариона» (В. Белинского). Таким способом донесения философского и религиозного смысла Бытия пользовались и Христос, и Будда. Эта особая форма передачи мысли, которая не столько излагает ее, сколько «генерирует» некое содержание в сознании, заставляя слушателей самих задуматься над проблемой и искать решение. Найденное же зачастую невозможно адекватно выразить в слове, поскольку оно выходит за пределы нашего Бытия.

Языком Н.В. Гоголя можно пронять и переродить любого человека

Имеем ли мы право на такую «дешифровку» произведений Н.В. Гоголя? Ответ можно найти в мистическом характере самого художника, и особенно в его языке. Это язык заклинаний.

Н.В. Гоголь верил, что с помощью слов можно пронять и переродить любого человека, а его слово облечено особой силой, данной ему свыше.

В слове – спасение от пороков

В слове – спасение от пороков и грехов. Н.В. Гоголь сочиняет и рассылает молитвы, придавая им особое, сверхъестественное значение; настойчиво упрасивает перечитывать его статьи, письма, художественные произведения: в них есть нечто сокровенное, с первого восприятия не усваиваемое. И дело даже не в том, что он тщательно шифровал в произведениях свои душевные тайны. Зачастую он не мог адекватно выразить владеющую им «запредельную» мысль: «Жуковскому Гоголь сообщает, что он продолжает набрасывать на бумагу “хаос” и что ему открываются тайны, которые дотоле не слышала его душа» [1]. По словам А. Воронского, он много раз возвращается к одной и той же рукописи, правит, переписывает, откладывает и снова возвращается к ней. И так до тех пор, пока этот «хаос» не «отрезонирует» в душе и не материализуется в словах. Это не работа мысли – это скорее чутье гармонии, интуиция мистика, вдохновение художника.

«Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души»

Под влиянием мистических состояний Н.В. Гоголь, по словам П. Анненкова, в 1843 г. уничтожает рукописи второго тома «Мертвых душ» или полностью их переделывает, что равносильно их уничтожению. То, что не достигло гармонии с его переживаниями, не может быть истинным.

Вдохновение Н.В. Гоголя питается молитвой: «Молитва не есть словесное дело; она должна быть от всех сил души и всеми силами души; без того она не взлетит. Молитва есть восторг, – убеждал Н.В. Гоголь

Н.М. Языкова. – Если она дошла до степени восторга, то она уже просит о том, чего *бог хочет, а не о том, чего мы хотим*. <...> Приход бога в душу узнается по тому, когда душа почувствует иногда вдруг умиление и сладкие слезы, беспричинные слезы, происшедшие не от грусти или беспокойства, но которых *изъяснить не могут слова*» [2, с. 233, 235] (курсив наш. – Авт.).

Вечный «маленький человек» внутри бездушной государственной машины

Вернемся, однако, к его «Шинели». Уже самое начало повести говорит нам, что это – притча (побасенка). «Итак, в одном департаменте служил один чиновник» (почти как «в одном царстве, в одном государстве...»). И далее идет описание, которое всеми трактуется как характеристика «вечного титулярного советника», «маленького человека» внутри громадной «бездушной государственной машины». Однако при сопоставлении с христианскими ценностями это впечатление оказывается обманчивым. Вот более адекватное описание нашего героя: «Злые шутки, насмешки и издевки со стороны сослуживцев не выбивали его из колеи жизни. Он переносил их покорно и терпеливо. Могло бы даже показаться, что он относился к ним, как к своему дыханию. Словно судьба, определив его в род Башмачкиных и дав ему происходящие от древнегреческого слова “*vakako*” (незлюбивый, невинный) имя и отчество Акакий Акакиевич, как будто наказала ему в жизни всегда быть “под башмаком”, терпеть унижения и обиды. Для этого она сделала его бедным до “последней грани обмеления” (по известному выражению Ап. Григорьева), послушным, безответным и, по сути, совсем беззащитным и в быту, и на службе перед лицом, большей частью черствых, циничных, честолюбивых, а зачастую и подлых окружающих» [3, с. 75].

Даже самый «последний» человек создан Богом

Имя гоголевского персонажа, пожалуй, должно было служить напоминанием о том, что даже самый «последний» человек – страждущий и нуждающийся – создан Богом, а поэтому и жизнь его, и личность следует ценить: «*Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом*» (Мф. 10:32–45).

Юродивым и блаженным открыто Царство Божие

По сути, Акакий Акакиевич невинен как дитя. Но именно так изображали юродивых и блаженных, и только таким открыто Царство Божие: «Иисус, призвав дитя, поставил его посреди них и сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:1–4). Жизнь героя была

«Удобнее верблюду
пройти сквозь
игольные уши,
нежели богатому
войти в Царство
Божие»

Сущностные
особенности Акакия
Акакиевича

лишена «вещественности». В его жизни не было ничего корыстного или эгоистичного. Даже труд его не воспринимался таковым, а был скорее игрой и творчеством: «Вряд ли где можно было найти человека, который так жил бы в своей должности. Мало сказать: он служил ревностно, – нет, он служил с любовью.

Там, в этом переписыванье, ему виделся какой-то свой разнообразный и приятный мир. Наслаждение выражалось на лице его; некоторые буквы у него были фавориты, до которых если он добирался, то был сам не свой: и подсмеивался, и подмигивал, и помогал губами, так что в лице его, казалось, можно было прочесть всякую букву, которую выводило перо его» [4, с. 144]. В отличие от монахов-писцов, у Акакия Акакиевича, как писал М. Эпштейн, «любовь к букве не придерживается ничем, никаким величием смысла» [5, с. 70].

Обратимся к словам Иисуса: *«Истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие»* (Мф. 19:23–24).

Теперь сопоставим эти слова с описанием героя: «Вне этого переписыванья, казалось, для него ничего не существовало. Он не думал вовсе о своем платье: вицмундир у него был не зеленый, а какого-то рыжеватого-мучного цвета. Воротничок на нем был узенький, низенький, так что шея его, несмотря на то что не была длинна, выходя из воротника, казалась необыкновенно длинной, как у тех гипсовых котенков, болтающих головами, которых носят на головах целыми десятками русские иностранцы. И всегда что-нибудь да прилипало к его вицмундиру: или сенца кусочек, или какая-нибудь ниточка; к тому же он имел особенное искусство, ходя по улице, поспевать под окно именно в то самое время, когда из него выбрасывали всякую дрянь, и оттого вечно уносил на своей шляпе арбузные и дынные корки и тому подобный вздор. <...>

<...> Приходя домой, он садился тот же час за стол, хлебал наскоро свои щи и ел кусок говядины с луком, вовсе не замечая их вкуса, ел всё это с мухами и со всем тем, что ни посылал бог на ту пору. Заметивши, что желудок начинал пучиться, вставал из-за стола, вынимал баночку с чернилами и переписывал бумаги, принесенные на дом. Если же таких не случалось, он снимал нарочно, для собственного удовольствия, копию для себя, особенно если бумага была замечательна не по красоте слога, но по адресу к какому-нибудь новому или важному лицу. <...>

<...> Написавшись всласть, он ложился спать, улыбаясь заранее при мысли о завтрашнем дне: что-то бог пошлет переписывать завтра? Так протекала мирная жизнь человека, который с четырьмястами жалованья умел быть довольным своим жребием, и дотекла бы, может быть, до глубокой старости, если бы не было разных бедствий, рассыпанных на жизненной дороге не только титулярным, но даже тайным, действительным, надворным и всяким советникам, даже и тем, которые не дают никому советов, ни от кого не берут их сами» [4, с. 145–147]. Внутреннее состояние героя – «не от мира сего» и воистину – «потерянный рай»!

Это человеческое не имеет границ

В чем же смысл изречения Иисуса? Если вспомнить, что Царство Божие – «не от мира сего» (Ин. 18:36), «не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там» (Лк. 17:20–21), то в мир бытийный, «вещный» оно не входит, оно для Бытия – Ничто. И это много меньше, чем «игольное ушко» или «горчичное зерно». Что же составляет «богатство» человеческое, препятствующее вхождению в рай? Очевидно, не сами вещи – они ничьи. Небо, как и земля, не могут принадлежать кому-то. Но Это человеческое не имеет границ. Оно стремится обладать всем, что видит: «Вот граница! – сказал Ноздрев. – Всё, что ни видишь по эту сторону, всё это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синее, и всё, что за лесом, всё это мое...» [6, с. 74]. В Древнем Риме, если ребенка ловили на воровстве, то вначале подвергали испытанию, предлагая на выбор игрушку или золотую монету. Если он выбирал монету, то ему отрубали руку. Главное в этом испытании – понять источник поведения. Есть ли в нем корысть, осознаёт ли он ценность вещи или это всего лишь детская тяга к игре?

Корысть – страсть к приобретению, к поживе; жадность к деньгам

Корысть рождается из желания, осознанной потребности в чем-то. Вещь завладевает сознанием человека, становится его целью, поработочает его. «Блаженны нищие духом, ибо ваше есть Царствие Божие», – говорил Христос (Лк. 6:20). «Нищие духом» можно трактовать двояко. По одной версии, это блаженные, юродивые, не связанные путами социальных норм и потому более чувствительные к зову души и совести, по другой – это люди сознательно (духом) отказавшиеся от материальных благ и, как Франциск Ассизский, раздавшие их нуждающимся. Ибо не сами вещи, но внутренняя, «душевная», алчность к вещам, ненасытное Это делают нас неспособными к «прохождению» через игольное ушко.

С потребности в чем-то начинается наше искушение

Как же является к нам это «богатство»? И вновь обратимся к Н.В. Гоголю: «Есть в Петербурге сильный

враг всех, получающих четыреста рублей в год жалованья или около того. Враг этот не кто другой, как наш северный мороз, хотя, впрочем, и говорят, что он очень здоров» [4, с. 147]. Н.В. Гоголь даже нашел способ написать слово «Враг» с большой буквы, поставив его в начале предложения.

Потребность в чем-то – это то, что с чего начинается наше искушение. Будучи человеком «не от мира сего», Башмачкин даже не сразу осознаёт причину своего неудобства: «Акакий Акакиевич с некоторого времени начал чувствовать, что его как-то особенно сильно стало пропекать в спину и плечо, несмотря на то что он старался перебежать как можно скорее законное пространство. Он подумал наконец, не заключается ли каких грехов в его шинели. Рассмотрев ее хорошенько у себя дома, он открыл, что в двух-трех местах, именно на спине и на плечах, она сделалась точная серпянка; сукно до того истерлось, что сквозило, и подкладка расплзлась» [Там же, с. 157]. Осознание толкает его на мысль об «исправлении» шинели и, наконец, к необходимости приобретения новой. Это совершенно ошеломляет героя и рушит весь его мир.

Когда жизнь
человека
«овеществляется»...

Когда жизнь человека «овеществляется», в ней появляются ценности и цели. Цель совершенно захватывает его и подчиняет. Он начинает мечтать уже не только о шинели как защите от холода: «С этих пор как будто самое существование его сделалось как-то полнее, как будто бы он женился, как будто какой-то другой человек присутствовал с ним, как будто он был не один, а какая-то приятная подруга жизни согласилась с ним проходить вместе жизненную дорогу, – и подруга эта была не кто другая, как та же шинель на толстой вате, на крепкой подкладке без износу. Он сделался как-то живее, даже тверже характером, как человек, который уже определил и поставил себе цель. С лица и с поступков его исчезло само собою сомнение, нерешительность, словом, все колеблющиеся и неопределенные черты. Огонь порою показывался в глазах его, в голове даже мелькали самые дерзкие и отважные мысли: не положить ли, точно, куницу на воротник? Размышления об этом чуть не навели на него рассеянности. Один раз, переписывая бумагу, он чуть было даже не сделал ошибки, так что почти вслух вскрикнул “ух!” и перекрестился. В продолжение каждого месяца он хотя один раз наведывался к Петровичу, чтобы поговорить о шинели, где лучше купить сукна, и какого цвета, и в какую цену, и хотя несколько озабоченный, но всегда довольный

Обретя потребность в вещи, блаженный становится другим человеком

возвращался домой, помышляя, что наконец придет же время, когда всё это купится и когда шинель будет сделана» [4, с. 154–155].

Акакий Акакиевич становится другим человеком: «Он уже несколько лет не выходил по вечерам на улицу. Остановился с любопытством перед освещенным окошком магазина посмотреть на картину, где изображена была какая-то красивая женщина, которая скидала с себя башмак, обнаживши, таким образом, всю ногу, очень недурную; а за спиной ее, из дверей другой комнаты, выставил голову какой-то мужчина с бакенбардами и красивой эспаньолкой под губой. Акакий Акакиевич покачнул головой и усмехнулся и потом пошел своею дорогою. Почему он усмехнулся, потому ли, что встретил вещь вовсе не знакомую, но о которой, однако же, все-таки у каждого сохраняется какое-то чутье, или подумал он, подобно многим другим чиновникам, следующее: “Ну, уж эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того...” <...>

<...> Акакий Акакиевич шел в веселом расположении духа, даже подбежал было вдруг, неизвестно почему, за какую-то дамою, которая, как молния, прошла мимо и у которой всякая часть тела была исполнена необыкновенного движения. Но, однако ж, он тут же остановился и пошел опять по-прежнему очень тихо, подивясь даже сам неизвестно откуда взявшейся рыси» [Там же, с. 158–161].

Даже помысел о присвоении вожделенной вещи порождает страх потери источника своего счастья

Но даже «условное» присвоение вещи порождает страх и боязнь потери источника «своего» счастья: «Он вступил на площадь не без какой-то невольной боязни, точно как будто сердце его предчувствовало что-то недоброе. Он оглянулся назад и по сторонам: точное море вокруг него. “Нет, лучше и не глядеть”, – подумал и шел, закрыв глаза, и, когда открыл их, чтобы узнать, близко ли конец площади, увидел вдруг, что перед ним стоят почти перед носом какие-то люди с усами, какие именно, уж этого он не мог даже различить. У него затуманило в глазах и забило в груди» [4, с. 161]. Тот покой, то блаженное существование, лишённое страха перед миром, которым он жил, не осознавая этого, был утерян. Появилась зависимость от других – чиновников, законов и государства, охраняющего частную собственность.

Потеря смысла жизни из-за утраты вожделенного предмета

С утратой шинели, ставшей целью его существования, подчинившей его жизнь, исчез и смысл этой жизни. Поскольку цель всегда указывает на вещь, то достижение цели после непродолжительной эйфории всегда приносит разочарование. Утолить жажду из этого «вечно

соленого источника» невозможно. Утрата шинели для Акакия Акакиевича неизбежно оказалась эквивалентной утрате самой жизни. Но и этого мало.

Н.В. Гоголь не был бы великим мастером гипербо-лы, если бы остановился на этом. Не только жизнь, но и сама смерть отобрана была у героя падением его с «небес» в мир вещей: «По Петербургу пронеслись вдруг слухи, что у Калинкина моста и далеко подальше стал показываться по ночам мертвец в виде чиновника, ищущего какой-то утащенной шинели и под видом ста-щенной шинели сдирающий со всех плеч, не разбирая чина и звания, всякие шинели: на кошках, на бобрах, на вате, енотовые, лисьи, медвежьи шубы – словом, всякого рода меха и кожи, какие только придумали люди для прикрытия собственной. Один из департа-ментских чиновников видел своими глазами мертвеца и узнал в нем тотчас Акакия Акакиевича; но это вну-шило ему, однако же, такой страх, что он бросился бежать со всех ног и оттого не мог хорошенько рассмо-треть, а видел только, как тот издали погрозил ему пальцем» [Там же, с. 169–170].

Наш герой превратился в подобие демона ада

Словом, наш герой превратился в подобие вечно голодного демона ада. Не бунт это и не возмездие, а неумирающая страсть Эго – забрать себе, присвоить. И ведь дело не оканчивается одной шинелью, и даже шинелью его обидчика. Страшная история падения души в ад – вот что такое гоголевская «Шинель».

Интересна еще одна деталь в характеристике героя – его профессия. Н.В. Гоголь писал о каллиграф-ии с уважением. На Востоке каллиграфия вообще ста-вилась на один уровень с живописью, поэзией и фило-софией. Работа каллиграфа требовала полного самоот-речения и была высоким искусством.

Гоголевская притча адресует читателя к сокровищницам человеческой мысли

Гоголевская притча адресует читателя не только к Евангелию, но и к другим сокровищницам человеческой мысли. Вот несколько параллелей из восточной фило-софии, практически не требующих комментариев.

Лао-цзы: «Для сохранения спокойствия души [человек] должен соблюдать единство. Тогда [в нем] не будут пробуждаться желания. Если сделать дух мяг-ким, человек станет подобен новорожденному. Если его созерцание становится чистым, тогда не будет заблуждений» [7].

Чжуан-цзы: «Кого же называют настоящим челове-ком? Настоящий человек древности не шел против мало-го, не хвалился подвигами, не [входил в число] мужей, [представляющих] замыслы. Поэтому, ошибаясь, не рас-

каивался, а поступив правильно, не [впадал] в самодовольство. Такой человек [мог] подняться на вершину и не утрашиться, войти в воду и не промокнуть, вступить в огонь и не обжечься. Своим познанием [он, даже] умирая, мог восходить к пути. Настоящий человек древности спал без сновидений, просыпаясь – не печалился, вкушая пищу – не наслаждался. Дыхание у него было глубоким, исходило из пят, а у обычных людей идет из горла. У человека, побежденного [в споре], слова застревают в глотке, будто [его] тошнит, – чем сильнее страсти в человеке, тем меньше в нем [проявляется] естественное начало. Настоящий человек древности не ведал любви к жизни, не ведал страха перед смертью. Входя [в жизнь], не радовался, уходя [из жизни], не противился, равнодушно приходил и равнодушно возвращался – и только. Не забывал о том, что было для него началом; не стремился к тому, что служило ему концом. Получив [что-либо], радовался, возвращая, об этом забывал. Это и называется не помогать разумом пути, не помогать природе искусственным. Такого и называют настоящим человеком» [8].

Конфуцианский идеал настоящего человека

Конфуцианский идеал настоящего человека как будто списан с образа Акакия Акакиевича до его пробудившейся любовной страсти к шинели. Настоящий человек в конфуцианской морали не выдает страстей и не обладает желаниями. Его жизнь – следование естественному ходу событий и его надеяние не замутило природную чистоту этого потока [9].

Формула У. Джеймса, в которой уровень самооценки обратно пропорционален нашим потребностям, дана в логике конфуцианского мышления. Сведи свои потребности к минимуму и обретешь полную гармонию внутри себя – следует из этой формулы [10].

Неведение как причина страдания

В буддизме причиной страдания является неведение, связанное с ограниченностью человека. Ограниченность же обусловлена, прежде всего, привязанностью к витальным потребностям и объектным, рассудочным восприятием мира. В таком восприятии мир предстает разорванным на отдельные объекты (вещи, предназначенные для удовлетворения тех или иных потребностей Эго) и является принципиально ограниченным (Сансарой). В Махаяне, северной ветви буддизма, был сформулирован принцип: Сансара и Нирвана сопряжены друг с другом; по сути – это одно и то же, но необходимо пробуждение, чтобы осознать это*.

* Сансара – обыденный мир, Нирвана – трансцендентальный мир: состояние интеграции с миром («Сознание Будды»).

Осознать мир как
целое – достижение
Нирваны

Разорвать ограниченность Эго и осознать мир как целое, слиться с этим единством и есть достижение Нирваны. Эта крайне сложная задача предполагает ясное осознание и преодоление всех своих ограничений – как телесных (инстинкты), так и психических (установки, дискурсивное мышление и т.д.). Любое поведение, детерминированное инстинктом, мотивом, конкретной целью, установкой, является ограниченным по своей природе (или деянием). Его истоки и причины лежат в прошлом, которое детерминирует, связывает и ограничивает существование личности, создает жесткую жизненную колею. Единственное допустимое исключение – креативность, творчество, инсайт, результат которого – новое содержание, не связанное с прошлым. Творчество всегда максимально свободно и реализуется без участия Эго. Такое поведение на Востоке называли недеянием, поскольку оно не детерминировано личностными ограничениями и имеет внешнюю природу, связанную с целостностью мира (Нирваной). В этих примерах происходит краткое спонтанное погружение в эту целостность, но не слияние с ней. В дзэн-буддизме была разработана оригинальная психотехника коанов, помогающая его адептам осознать причины своих ограничений и «разотождествиться» с Эго.

Ментальный тупик,
в который попал
человек на пути к
разотождествлению

Коан (яп.) – небольшой текст, описывающий ситуацию, связанную с тем или иным ментальным тупиком, в который попал адепт на пути разотождествления*. Поскольку единственный способ достижения Нирваны – это тотальный инсайт (сатори), снимающий все ограничения, то коан формулируется скорее как подсказка. Это не формально-логическое объяснение (в этой форме от адепта требовалось бы только понимание, а не инсайт), а некий «толчок», выбивающий его из неадекватной установки, ментальной колеи, не позволяющей увидеть корень проблемы.

Гоголевская притча
близка
к буддийскому коану

По существу, гоголевская притча и по форме, и по содержанию очень близка к буддийскому коану. В ней также содержится некий логический парадокс, позволяющий по-иному взглянуть на себя и социум, увидеть, как наше Эго, социальные установки и привязанности делают нас рабами вещей, незаметно отнимающих свободу и саму жизнь. Мы становимся «мертвыми душами», придатками вещей, заложниками чужого одобрения и социального успеха. Это и есть падение в ад Сансары.

* Примеры классических и современных произведений в жанре коана см.: Р.Х. Блайс [11, 12]; Р. Ошо [13].

С точки зрения махаянского буддизма Акакий Акакиевич до пробуждения его страсти обладания – почти архат (тот, кто разрушил привязанность своей человеческой оболочки к Сансаре). Яд влечения, эмоции привязанности низвергают его из состояния внутренней гармонии, перевоплощают в «голодного духа», метущегося и страдающего в силу невозможности насытить свои потребности. «Быть или иметь» – буддийско-фромовская трактовка смысла повести Гоголя «Шинель».

Есть только одна человеческая страсть, которой неведомо пресыщение, – Сострадание

Чему же учит притча Гоголя? Притча учит гармонии через минимизацию потребностей, единству – через уподобление ребенку, недеянию – через отсутствие целей. И предупреждает о крахе всего этого при вкушении яда страсти. Н.В. Гоголь показывает (и, конечно, не только в «Шинели») путь в ад, но не открывает дорогу в рай (отсюда и его неудача со вторым томом «Мертвых душ»). На наш взгляд, причина личностного краха и Акакия Акакиевича Башмачкина, и большинства малых и великих мира сего, да и, наверное, самого Н.В. Гоголя (одной из проекций личности которого был Башмачкин), заключается в неумении любить ближнего (христианство) или сострадать всем живым существам (буддизм). Ибо есть только одна человеческая страсть, которой неведомо пресыщение, – это Сострадание. И есть только одна дорога, ведущая к Храму, – это Любовь.

«Будьте живые души!»

В четверг 21 февраля 1852 года в восемь часов утра Николай Васильевич Гоголь скончался. Одно из последних его завещаний: *«Будьте не мертвые, а живые души!»*.

Строки, написанные тонко чувствующим Николаем Васильевичем за несколько дней до кончины: «Аще не будете малы, яко дети, не ввидете в царствие небесное.

Помилуй меня, прости, господи! Свяжи вновь сатану таинственную силою исповедимого креста...

Как поступать, чтобы признательно, благодарно и вечно помнить в сердце моем полученный урок. И страшнее истории всех событий Евангель...» [14, с. 57].

1. Воронский А. Гоголь. – <http://www.treffpunkt.ru/lit/read.php?id=303&page=51&q=2>

2. Гоголь Н.В. Н.М Языкову. 4 ноября (н. ст. 1843) // Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 12. – М.; Л., 1951. – С. 232–238.

3. Бельтраме Ф. Мотивы обиды и возмездия в повести Гоголя «Шинель» // Критика и семиотика. – Вып. 10. – М., 2006. – С. 74–81.

4. *Гоголь Н.В.* Шинель // Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 3. – М.; Л., 1938.
 5. *Эпштейн М.Н.* Князь Мышкин и Акакий Башмачкин (к образу переписчика) // Парадоксы новизны. О литературном развитии XIX–XX веков. – М., 1988.
 6. *Гоголь Н.В.* Мертвые души. I. // Полн. собр. соч. в 14 т. Т. 6. – М.; Л., 1951.
 7. *Лао-цзы.* Дао Дэ Цзин <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000588/index.shtml>
 8. *Чжуан-цзы* // Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле-цзы, Чжуан-цзы. – <http://lib.ru/ROECHIN/CHZU/chzhuan.txt>
 9. Беседы и рассуждения Конфуция. – СПб., 2001.
 10. *Джеймс У.* Психология. – М., 1991.
 11. *Блайс Р.Х.* Золотой век дзэн. Антология классических коанов дзэн эпохи Тан. – СПб., 2001.
 12. *Блайс Р.Х.* Мумонкан. Застава без ворот. – СПб., 1997.
 13. *Ошо Р.* Не ум: цветы вечности. Тайнство и поэзия запредельного. – М., 1995.
 14. *Мочульский К.В.* Духовный путь Гоголя // Гоголь. Соловьев. Достоевский. – М., 1995.
-